

Вэнь Юэань остановился у двери, наблюдая, как Хэ Юйлоу тщательно раскрашивает картину и с каким взглядом он смотрит на изображённые на ней ноги. Он крепко сжимал свои пустые брючные штанины, и только спустя долгое время почти безмятежным голосом произнёс:

— Шиге, пора поесть.

Чжун Гуаньбай, читая мемуары Вэнь Юэаня, дойдя до этого момента, покрылся холодным потом.

Вэнь Юэань писал, что он на самом деле никогда не задумывался и не понимал, что такое любовь. В те времена они мало говорили о симпатии и ещё меньше о любви. Тогда он общался с очень немногими людьми, и в книгах, которые он читал, тоже не было ничего о чувствах между мужчиной и женщиной. В его сердце различие между полами было не очень ясным. В то время он знал только одно: Хэ Юйлоу родился, чтобы быть с ним, двое, на всю жизнь.

Это не имело никакого отношения к тому, были ли они мужчинами или женщинами.

Двое, на всю жизнь — только Хэ Юйлоу, не другой мужчина, и не другая женщина.

Но, начиная с той картины, он обнаружил, что Хэ Юйлоу тоже может быть с кем-то другим.

И, с точки зрения Вэнь Юэаня, его главное отличие от этого «другого» заключалось не в поле, а в том, что у неё были красивые ноги, которые Хэ Юйлоу даже любил настолько, что нарисовал их.

После того как этот эпизод был описан в мемуарах, на странице больше не было слов. Чжун Гуаньбай перевернул страницу и обнаружил, что на следующей странице была только одна строка:

«Но у меня нет красивых ног».

В ту ночь Вэнь Юэань не спал. Он сжимал пальцами место, где его бедро было ампутировано, и смотрел в окно до самого рассвета.

На следующий день после полудня Хэ Юйлоу вышел из дома один, не вместе с Хэ Юйгэ. Вэнь Юэань дождался, пока Хэ Юйлоу уйдёт, и тихонько подъехал на коляске к воротам двора. Вдалеке он увидел, как Чан Лянъянь, стоявшая под деревом, побежала к Хэ Юйлоу и поцеловала его в щёку на пустынной улице.

Вэнь Юэань поднял руку и медленно коснулся своей щеки, в том месте, где Хэ Юйлоу был поцелован, недалеко от уголка губ.

«Здесь», — прошептал он про себя.

Спустя долгое время Вэнь Юэань вернулся на коляске, но, войдя в дом, упал. Он лежал на полу, как кукла, не проявляя никакой реакции. Когда боль немного утихла, и он смог пошевелить рукой, он молча поднялся обратно на коляску и поехал играть на пианино.

В последующие дни Вэнь Юэань часто тихонько заходил в комнату Хэ Юйлоу ночью, желая поцеловать то место, которое когда-то поцеловала Чан Ляньянь, пока Хэ Юйлоу крепко спал.

Сидеть на коляске, наклоняться и украдкой целовать человека на кровати, чтобы не быть замеченным, было не так просто. Вэнь Юэань пытался много раз, но всегда терпел неудачу.

Однажды ночью Вэнь Юэань снова подъехал на коляске к кровати Хэ Юйлоу.

Голова Хэ Юйлоу была повернута к краю кровати, и Вэнь Юэань осторожно оперся рукой на кровать, наклонившись к Хэ Юйлоу.

В ту ночь его губы впервые коснулись щеки Хэ Юйлоу.

Он оставался так долго.

Затем повернул голову и прижал свою щеку к губам Хэ Юйлоу.

И снова оставался так долго.

Наконец, губы коснулись губ.

Вэнь Юэань слушал дыхание Хэ Юйлоу, вдыхал его запах, продолжая наклоняться.

Соприкоснувшиеся губы были сухими, слегка прохладными, просто касались друг друга, без каких-либо других действий. Вэнь Юэань чувствовал, что это был самый счастливый момент за все эти дни. Хэ Юйлоу был так близко, что он забыл о времени, забыл обращать внимание на звуки за дверью.

Вдруг луч света упал на его лицо из-за двери.

— Вэнь Юэань, что ты делаешь? — прошептала Хэ Юйгэ.

Она и раньше замечала, что Вэнь Юэань иногда заходил в комнату Хэ Юйлоу ночью, но выходил вскоре после этого, и она не придавала этому значения. Но на этот раз Вэнь Юэань зашёл и не вышел, и она решила заглянуть.

И вот она увидела, как губы Вэнь Юэаня касаются губ Хэ Юйлоу.

Когда Вэнь Юэань вышел, Хэ Юйгэ смотрела на него, тихо и чётко произнося:

— Ты больной.

Единственное, что её утешало, это то, что Хэ Юйлоу закрыл глаза, вероятно, спал, и ничего не знал, так что он не был вовлечён в это.

Хэ Юйгэ обычно спорила с Хэ Юйлоу, но в таких делах сразу же проводила чёткую границу между своими и чужими:

— В нашей семье в крови нет такой грязи, так что ты лучше не трогай моего брата.

С этого момента она, кажется, нашла законный повод не любить Вэнь Юэаня.

Вэнь Юэань с детства усердно занимался музыкой и теорией, Вэнь Юэань был особенно любим Гу Цзяпэй, Вэнь Юэань, как чужак, был больше похож на ребёнка семьи Хэ, чем она сама — всё это не могло быть причиной, Хэ Юйгэ не признавала этого.

Вэнь Юэань тихо сказал:

— Я не такой.

Хэ Юйгэ сдавленно спросила:

— Не какой? Пока Юйлоу спал, ты делал это с ним... — она даже не хотела произносить, что именно, — и я тебя поймала, а ты ещё говоришь, что не такой?

Вэнь Юэань ответил:

— Нет никакой грязи.

Хэ Юйгэ подняла подбородок, указывая на дверь спальни Хэ Юйлоу:

— Не грязно? Тогда зачем ты ведёшь себя как вор? Попробуй сделать это, когда Юйлоу проснётся. Думаешь, он не сочтёт это грязным?

Вэнь Юэань промолчал.

За стеной в спальне Хэ Юйлоу медленно открыл глаза.

Он неуверенно поднял руку, слегка сжав пальцы.

Тыльная сторона указательного пальца коснулась губ и остановилась на щеке, недалеко от уголка губ.

— Смотри, что я принесла! — Чан Лянъянь поставила зонт у двери и открыла тканевую сумку.

— Арбуз? — Хэ Юйгэ взглянула и не нашла в этом ничего особенного. — Зачем тащить арбуз в такой дождь? У нас что, арбузов не хватает?

Чан Лянъянь загадочно улыбнулась:

— Новый сорт из сельскохозяйственного института, без косточек, не нужно выплёвывать семечки. Снаружи такого не купишь. Эй, я тебе скажу, через несколько дней, когда начнётся сбор винограда, я принесу тебе что-то получше, с красивыми названиями, вроде «красавица» или «нефрит».

Хэ Юйгэ кивнула и пошла резать арбуз, а Чан Лянъянь спросила:

— А где Юйлоу? Его нет?

— Он, наверное, ещё спит, с утра не выходил, — Хэ Юйгэ, говоря о Хэ Юйлоу, выглядела немного неловко.

Она плохо спала прошлой ночью, картина того, как Вэнь Юэань делал это, не давала ей покоя, и она изо всех сил хотела кому-нибудь об этом рассказать. Утром, когда она встала, Хэ Шэньпин и Гу Цзяпэй уже ушли в институт, а Хэ Юйлоу и Вэнь Юэань так и не вышли из своих комнат. Обычно, если она ссорилась с родителями, она могла поговорить с Чан Лянъянь, но в этом случае, хотя она считала, что вина лежит на Вэнь Юэане, он жил в доме Хэ, и она боялась, что если это станет известно, люди начнут думать, что в их семье есть эта грязная болезнь, и будут тыкать в них пальцем.

Чан Лянъянь внимательно наблюдала за выражением лица Хэ Юйгэ и с улыбкой спросила:

— Опять поругалась с Юйлоу?

— Нет, — Хэ Юйгэ раздражённо бросила нож и отказалась резать, нашла две ложки и воткнула их в мякоть арбуза. — Ешь так.

— Что случилось? Не хочешь мне рассказать? — Чан Лянъянь легонько толкнула Хэ Юйгэ в руку. — Ну, расскажи.

Хэ Юйгэ съела пару кусочков арбуза, и её гнев немного утих:

— Эх, я не хочу говорить, но я чуть не лопну. Но... эх.

Чан Лянъянь сказала:

— Расскажи мне, я обещаю, что как только услышу, сразу забуду и никому не скажу.

Хэ Юйгэ посмотрела в глаза Чан Лянъянь:

— Обещаешь?

Чан Лянъянь подняла руку:

— Обещаю. Тысячу раз обещаю.

Хэ Юйгэ взяла ложку и начала тыкать ею в дольку арбуза, пока не превратила её в нечто ужасное. Наконец, она собралась с духом и тихо сказала:

— Вчера ночью я видела, как Вэнь Юэань поцеловал Юйлоу... ах!

Она вскрикнула и отпрыгнула в сторону:

— Чан Лянъянь, что ты делаешь?

Чан Лянъянь держала ложку, и та долька арбуза, которую она ела, упала и ударила ногу Хэ Юйгэ, а теперь лежала на полу, разбрызгивая сок повсюду.

— Ты меня напугала, — сказала Чан Лянъянь.

— Ты меня напугала, — Хэ Юйгэ потерла свою ногу, даже не думая убирать пол. — Но я тебя не виню, я тоже чуть не умерла от страха, когда увидела это.

— Юйгэ... — Чан Лянъянь понизила голос, как будто обсуждала какую-то секретную миссию. — Юйлоу он, ээ, в тот момент...

Чан Лянъянь даже не знала, как это сказать. Она держала ложку, то указывая ею влево, то вправо.

— Они, ээ...

<http://bllate.org/book/15543/1382990>